

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Рыжкова Д. С.*аспирант кафедры теоретической и практической философии
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
Харьков, Украина***ВРАЖДЕБНОСТЬ КАК ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОРОДЕ**

Для замкнутых сообществ существует множество факторов и критериев, так или иначе способствующих формированию идентичности у их представителей. В городском пространстве, разбитом на множество локальных групп, неизменным фактором для формирования индивидуальной идентичности является не только внутригрупповая солидарность, но и межгрупповая конфронтация или враждебность. Цивилизация — конфликтогенна, так как часто личность осознаёт себя тем, кто она есть лишь в противопоставлении себя другим. «Дисгармония между «я» и «социальным Я» является одной из самых распространенных причин кризиса идентичности. Немногие люди могут сохранить свою идентичность в неприкосновенности, если сталкиваются с беспричинным презрением со стороны своего окружения, особенно же тех людей, которых они уважают» [3, с. 116].

По мысли А. В. Шпилова, межгрупповая вражда может принимать две основные формы. Первая форма это классическое противопоставление «своего» и «чужого». Она имела место в архаических обществах, где любой, тем или иным образом, находящийся за пределами локальности, воспринимался враждебно. Такое же положение сохранялось в античности, где к гражданам полиса, метекам и иноземцам было совершенно различное отношение. С приходом к власти царей и императоров, по факту формирования аристократической или олигархической прослойки, градус вражды несколько смещался. Формирование дворянства позволило на долгие века сместить градус вражды между «своими» и «чужими» в сторону деления на «высших» и «низших».

После начала формирования идеи нации как конструктора, объединяющего граждан, проживающих на замкнутой территории, исподволь начали вырваться конфликты. Осознание собственной национальной принадлежности, а также недовольство, связанное с большим финансовым разрывом между самыми бедными и самыми богатыми членами общества, приводило к революционным движениям. Такое отождествление было связано с фундаментальными психологическими моментами, согласно которым: «отождествленное с Мы Я опонирует Они, и степень

идентификации с ингруппой тем выше, чем более значимы отличия от аутгруппы, чем сильнее выражена оппозиция Нас — Им; соответственно, чем сильнее отталкивание от чужой группы, тем более гомогенной становится своя, и это отталкивание может реализовываться не только как когнитивное различие, но и как выносимое в сферу межгрупповых отношений агрессивное поведение, и как организованная целенаправленная деятельность по нанесению «врагу» того или иного ущерба» [4, с. 158].

Переходная стадия от национализма к транснационализму и мультикультурализму позволяет элитам легко манипулировать большей частью населения. Бедные низы, считающие, что проживают в национальном государстве, осуществляют вражду к иноземцам и иноверцам, считая, что именно они попирают традиции и устои, в то время, как настоящий градус противопоставления лежит в страдах, а не в этносах. Конечно, не стоит обобщать, однако можно легко заметить, что более интеллектуальная прослойка жителей в городах, как правило, толерантна и терпима, в то время, как менее интеллектуальные индивиды, группированные тем или иным образом чаще всего подвержены ксенофобии. Такое положение вещей связано в первую очередь с тем, что для того, чтобы толерантность стала нормой жизни, её необходимо принять не только как элемент правового давления со стороны государства, но и как собственный внутренний правовой долг.

На такой шаг способен далеко не каждый, необходим определённый уровень культуры и устойчивое мировоззрение. Без этого толерантность будет лишь формальной терпимостью, соблюдаемой лишь из-за страха государственной репрессии и подавляемой внутренней нетерпимостью индивида. Демократическое государственное устройство подразумевает атомизированность индивида. Переход к корпоративному типу правления предполагает некие блага для небольших групп, в то время как индивид, считающий, что его интересы должны поддерживаться в первую очередь, остаётся за кадром.

Именно так отдельный индивид становится Чужаком, Другим для локальных групп. Вражда служит фактором отмежевания отдельных индивидов и формирования закрытых групп со стойкой неприязнью ко всем, кто находится за их пределами. Индивид в ин-группе может бояться, что чужак тем или иным образом попадёт в неё и нарушит существующие устои. Можно сказать, что «проблема идентичности предстаёт не как проблема исключения из окружения, а как проблема невозможности противостояния сливанию с ним» [1, с. 163].

Как ни странно, в первую очередь вражда является критерием идентичности для Мы, а не для Я. Она предполагает формирование некоего позитивного образа нас в противоположность приписыванию всех возможных негативных черт враждебному «Они». Подобное приписывание на уровне Я артикулировано в меньшей степени, так как конфликтогенность индивида гораздо ниже конфликтогенности группы. Если индивид противопоставляет себя миру или же какой-то отдельной группе, на фактор вражды нередко накладываются фактор эгоизма и нарциссичности такого индивида, что не позволяет делать каких-либо однозначных выводов.

Однако главный парадокс состоит в том, что практически вся интеллектуальная элита состоит из атомизированных индивидов. В то время, как групповая

идентичность формируется равномерно, идентичность индивидов, находящихся по большей части вне групп, размыта и нестабильна. Также можно заметить, что сплочённость группы против отдельного индивида носит куда более враждебный и яростный характер, чем взаимоотношения по типу Я-Ты. Это во многом связано с так называемым «эффектом толпы», когда внутри активно действующей общности отдельные индивиды нередко пренебрегают критическим мышлением. А если вражда — межгрупповая, то, как правило, её критерием выступают не сами индивиды, а некий символ, который собственно и делает врагов врагами. Как минимум, гражданская составляющая групповой идентичности часто остаётся не более чем продуктом политических манипуляций.

Для того, чтобы выработать собственную позицию, нужно как минимум ознакомиться со всеми возможными вариантами политик и идеологий и отнестись к ним критически. Большинству граждан проще примкнуть к той или иной стороне, не вдаваясь в тонкости. И, наконец, во многом, вражда и все виды ксенофобии обуславливаются уже не, столько, природной потребностью человека во враге, сколько, идеологической работой политтехнологов, которые нередко контролируют поляриность вражды, направляя её либо на внешнего врага, либо на идеологических противников внутри государства.

Литература

1. Артеменко А. П. Топология Я в сетевых структурах социума: [монография]/ А. П. Артеменко — Харьков — 2013 г. — 325 с.
2. Рягузова Е. В. Социально-психологический анализ ингруппового и аутгруппового Другого/ Е. В. Рягузова// European social science journal (Европейский журнал социальных наук) — Москва-Рига — № 2 — 2011 г. — с. 194–201.
3. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности/ Витторио Хёсле// Вопросы философии — Выпуск № 10–1994 г. — с. 112–123.
4. Шипилов А. В. «Свои», «чужие» и другие: [монография]/ А. В. Шипилов — М.: «Прогресс Традиция», 2008. — 568 с.